

История между наукой и искусством: Вильгельм Виндельбанд и дилемма неокантианской теории истории

О.И. Мачульская

Предисловие к переводу

Мачульская Ольга Игоревна – научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: hermeneutique.academie@yandex.ru

Данная публикация знакомит читателя с переводом статьи Дж.Э. Бараша «История между наукой и искусством: Вильгельм Виндельбанд и дилемма неокантианской теории истории», посвященной исследованию концепции обоснования теории истории в качестве науки, принятого во второй половине XIX в. представителем Баденской школы неокантианства Виндельбандом, творчески интерпретирующим наследие Канта. Основоположник критической философии Кант придавал статус научности лишь различным направлениям естествознания. С точки зрения кёнигсбергского мыслителя, сфера изучения социальных событий, культуры и жизни человека не может считаться наукой в строгом смысле слова, поскольку она ограничивается описанием социальных явлений, а не построением законов, объясняющих данные процессы. Закон должен соответствовать принципу всеобщности, т.е. обладать способностью упорядочивать опыт посредством универсальной чистой формы, а не происходить из опыта. Виндельбанд предлагает пересмотреть учение Канта и разрабатывает свою собственную концепцию истории. Он вводит в теорию познания в дополнение к номотетическим понятиям, ведущим к открытию всеобщих законов, идеографические понятия, посредством которых происходит описание истории культур и мировоззрений отдельных людей с их личными представлениями о ценностях, объективирующихся в истории. Таким образом, Виндельбанд формулирует особый научный метод объяснения причинности в трактовке исторических событий, не прибегая при этом к построению всеобщих законов. Объяснение истории с помощью идеографических понятий позволяет переосмыслить саму идею научности в отношении сферы свободы, в которой каждый человек является уникальной личностью, созидающей ценности.

Ключевые слова: И. Кант, В. Виндельбанд, В. Дильтей, неокантианство, теория истории, идеографические и номотетические понятия

Джеффри Эндрю Бараш (Jeffrey Andrew Barash) – американский и французский историк философии, специалист в области истории немецкой и французской философии XIX–XX вв., размышляющий над проблемами герменевтики, коллективной

памяти, теории исторического познания. Родился в 1949 г. в Чикаго в семье выходцев из России, эмигрировавших из страны в период гражданской войны. Получил философское образование в Стэнфордском и Чикагском университетах. Продолжил учебу во Франции в университете Париж-Х-Нантер. Был учеником и единомышленником Поля Рикёра. Преподавал философию в Чикагском и Колумбийском университетах (США), Гамбургском университете (Германия). В настоящее время является почетным профессором философского факультета Пикардийского университета им. Жюль Верна (Амьен, Франция). Дж. Бараш выступал с лекциями и научными докладами во многих ведущих университетах и научных центрах мира. В 2010 г. он прочитал лекцию по проблеме коллективной памяти в Институте философии РАН. Бараш является разносторонне эрудированным исследователем: помимо философских проблем, занимается теорией изобразительного искусства и фотографии, имеет опубликованные работы и читает лекции по данным темам.

Одной из центральных проблем в творчестве профессора Бараша является вопрос о достоверности исторического знания. Философ сопоставляет два типа реконструкции прошлого – исторические науки, изыскивающие и анализирующие объективные факты и критически оценивающие субъективные воспоминания как вымысел, и историческую память человечества, хранящую живой опыт индивидов и их творческую интерпретацию событий. Он разделяет позицию Рикёра, обосновавшего позитивную роль исторического повествования в осмыслении прошлого. Исследуя мифологию, предания, художественное творчество, Бараш делает вывод о том, что личностные свидетельства являются не менее значимыми, чем артефакты и данные точных наук, поскольку именно экзистенциальный опыт человека открывает перспективу понимания смысла истории.

Особое внимание в своих исследованиях философ уделяет изучению коллективной памяти, размышлению над проблемами интерсубъективности памяти и уникальности и конечности воспоминаний о прошлом. Сопоставляя, с одной стороны, концепции Дюркгейма и Хальбвакса, утверждавших, что коллективная память является неотъемлемой компонентой общественного сознания и оказывает существенное влияние на мировоззрение коллективов и отдельных людей и их представлений о прошлом и настоящем, а с другой – учение Козеллека, настаивавшего на личностном характере воспоминаний, утрачивающих свою аутентичность после ухода из жизни их носителей – непосредственных участников событий, Бараш разрабатывает собственную интерпретацию понятия коллективной памяти. Философ предлагает трактовать формирующиеся в общественном сознании символы в качестве средств структурирования пространственно-временных и концептуальных значений с помощью языка, что позволяет обмениваться опытом в публичной сфере. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в сфере общественной жизни образуется система знаний интеллигибельного характера, распространяющихся в определенных эпохи.

В последнее время Бараш работает над проблемой исследования коллективной памяти в контексте общественного информационного пространства в современную эпоху. В XXI в. в условиях прогресса цифровых технологий, открывающих беспрецедентные возможности аккумуляции знаний и обмена сведениями, область общественного информационного взаимодействия значительно превышает опыт отдельных личностей и коллективов. В данной ситуации опыт и воспоминания преобразуются в символы. Многочисленные позиции индивидов и социальных групп образуют так называемые символические сети, в поле которых осуществляется непосредственное взаимодействие субъектов и коллективов. В современных условиях средства вещания находятся в собственности правящей элиты и финансовой олигархии. В результате транслируемая информация преобразуется согласно задачам коммерческой эффективности и политического манипулирования. Бараш приходит

к выводу о том, что в настоящее время средства массовой информации обладают колоссальным могуществом, обретая способность моделировать виртуальную картину событий, которую потребители информационных услуг принимают за реальность, не замечая фальсификации. Создаваемая масс-медиа видимость социального благополучия содержит угрозу деформации как горизонтов современности, так и исторической памяти. Перед человечеством стоит задача противостоять этой опасности посредством сохранения глубинных символов мировой культуры.

Статья «История между наукой и искусством: Вильгельм Виндельбанд и дилемма неокантианской теории истории» была написана Дж.Э. Барашем на французском языке. Данная работа в переводе на португальский язык была опубликована в бразильском издании “Kant E-Prints” в 2021 г.¹ Статья была предоставлена автором для публикации в России в журнале «История философии».

Основные работы Дж.Э. Бараша

Heidegger et son siècle. Temps de l’Etre, temps de l’histoire. Paris, 1995; Martin Heidegger and the problem of historical meaning. N.Y., 2003 (эта книга получила положительную оценку со стороны П. Рикёра, написавшего предисловие к ее первому изданию 1988 г.); Politiques de l’histoire. L’historicisme comme promesse et comme mythe. Paris, 2004; Collective Memory and the Historical Past. Chicago and London, 2016; Shadows of Being Encounters with Heidegger in Political Theory and Historical Reflection. Stuttgart, 2022.

Работы Дж.Э. Бараша, изданные в России

Зачем помнить историческое прошлое? // Философский журнал. 2011. № 1; О воображении и месте коллективной памяти в общественной сфере // Философские науки. 2011. № 2; Что такое коллективная память? К вопросу об интерпретации памяти Полем Рикёром // Философские науки. 2012. № 10; Место музыки в эстетике Канта // Философские науки. 2013. № 10; Несколько замечаний о новизне репрезентации времени в живописи XX века // Ежегодник по феноменологической философии. 2015. № 4; Влияние учения Хайдеггера на концепцию истории П. Рикёра // Философские науки. 2017. № 8; Анализ понятий памяти и истории в контексте идеи времени: интерпретация концепции коллективной памяти в полемике с теорией Райнхарта Козеллека // Философские науки. 2020. № 9; Коллективная память и конфигурация общественного информационного пространства в эпоху массмедиа // Философские науки. 2022. № 4.

¹ Barash J.A. A história entre ciência e arte: Wilhelm Windelband e o dilema da teoria neokantiana da história // Kant E-Prints. 2021. Vol. 16 (2). P. 24–37.

ПРИЛОЖЕНИЕ

*Джеффри Эндрю Бараш***История между наукой и искусством:
Вильгельм Виндельбанд и дилемма неокантианской теории истории**

Бараш Джеффри Эндрю – профессор философского факультета. Пикардийский университет имени Жюль Верна. Франция, 80025, г. Амьен, ул. Chemin du Thil; e-mail: jabarash@gmail.com

Во второй половине XIX в. в Германии сформировалось неокантианство. Данное философское учение было представлено двумя наиболее влиятельными направлениями: Марбургской школой Германа Когена и Пауля Наторпа, занимавшейся главным образом философскими основаниями точных наук, и Баденской школой, школой Вильгельма Виндельбанда и Генриха Риккерта, благодаря которой была впервые предпринята попытка создать теорию исторической науки о человеке и культуре. Предпринятый сторонниками Марбургской школы серьезный пересмотр философии Канта в свете новой концепции естественных наук соответствовал мировоззрению самого кёнигсбергского мыслителя. Напротив, теоретики Баденской школы не только осуществили пересмотр философии Канта, но предложили концепцию истории как науки о человеке и культуре, что вывело их исследования далеко за пределы кантовского понимания анализа критической философии.

В своем выступлении в 1904 г. в связи со столетием со дня смерти Иммануила Канта, озаглавленном «Сто лет спустя» (“Nach Hundert Jahren”), Вильгельм Виндельбанд говорит об изменении позиции европейской мысли, что обусловило расширение сферы анализа по сравнению с философией Канта. Как утверждает Виндельбанд: «По сути, до эпохи Канта существовало лишь искусство описания исторических событий и великие художники, занимавшиеся этим; историю считали делом художественной литературы, она в то время не являлась наукой. История впервые приобрела статус науки в последующую эпоху. Одним из наиболее характерных феноменов духовной жизни XIX в., сопутствующим внешне впечатляющему развитию естественных наук, стал неявный, но неуклонный и неотвратимый процесс формирования истории в качестве науки» [Windelband, 1924a, S. 154].

Эта попытка немецкой Юго-Западной школы создать, основываясь на принципах философии Канта, новую историческую науку, предметом которой являются человек и культура, вызывает у нас следующие вопросы: если, как отмечает Виндельбанд в своем выступлении, кантовское представление о науке ограничивалось исключительно естественными науками [см. Ibid., S. 153], было ли это расширение кантианской перспективы, предложенное Виндельбандом, действительно совместимо с позицией Канта? И далее, какова вероятность того, что учение Канта вообще могло стать первоначальным импульсом для теоретических построений науки о человеке и культуре, предпринятых неокантианцами Баденской школы?

Если кантианское представление о науке, как указывает Вильгельм Виндельбанд, ограничивалось исключительно естественными науками, то это действительно было, как он сам признает, следствием теоретической трактовки науки у Канта, а точнее, понятия «научный закон», разработанного Кантом в его критических сочинениях. Научный статус закона, по Канту, зависит от его достоверности. А вот что оказывается особенно важным для построения научной теории, так это то, что для Канта достоверность закона непосредственно связана с его всеобщностью. В самом деле, свойство закона, а именно его способность упорядочивать опыт посредством всеобщих формул, вытекает не из содержания конкретного опыта, изменчивого

и неустойчивого, а из самого сознания, из чистых форм созерцания и рассудка, которые являются предпосылками для любого возможного опыта. Таким образом, всеобщий характер закона, предопределяемый самим сознанием, указывает на необходимость универсальных чистых форм, с помощью которых осуществляется конституирование любых данных опыта.

Принимая во внимание тот факт, что Кант отождествляет достоверность, а следовательно, и научность закона с его всеобщностью, мы понимаем, почему для него приемлем только один тип научного закона и почему он придает статус подлинной научности исключительно всеобщему закону. Придерживаясь данного принципа, Кант утверждает, что если человеческий мир является объектом науки, то процесс исследования должен основываться лишь на этих всеобщих законах. С одной стороны, в работе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» Кант пишет, что «человеческие поступки, подобно всякому другому явлению природы, определяются общими законами природы» [Кант, 1966б, с. 7]; с другой стороны, относительно того, что касается возможности построения теории, описывающей человеческий мир, в «Критике чистого разума» он поясняет, что эмпирическая психология приходит туда, где должна быть помещена собственно физика¹. Тем не менее ограниченность подобной узкой трактовки научности проявляется с особой очевидностью при попытке понять человека и человеческий мир. На самом деле, с точки зрения Канта, закон, объясняющий деятельность человека, не может достигнуть того же уровня всеобщности и не может быть сведен к применению тех же принципов причинности, которые относятся к сфере физики или механики. Вот почему в системе Канта идея эмпирической психологии имеет весьма ограниченную сферу применения. Философ никогда не рассматривал всерьез возможность использования подобного рода психологии для систематизации единичных и случайных исторических фактов. Даже исследование исторических фактов не представляется ему наукой. По вопросу о возможности систематизации деятельности человека Кант пишет в своем эссе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане»: «Нельзя отделаться от некоторого неудовольствия, когда видишь их образ действий на великой мировой арене. Тогда находишь, что при всей мнимой мудрости, кое-где обнаруживающейся в частностях, в конечном счете все в целом соткано из глупости, ребяческого тщеславия, а нередко и из ребяческой злобы и страсти к разрушению. И в конце концов не знаешь, какое себе составить понятие о нашем роде, столь убежденном в своих преимуществах» [Там же, с. 8].

Попытка дать определение человеческому миру основываясь на понятиях, т.е. на всеобщих законах механики, вызывает трудности и побуждает обратиться к другой предусмотренной Кантом возможности, которая проистекает отнюдь не из научной теории, а соотносится с историческим движением человечества и устанавливается посредством рефлексивного телеологического суждения, не зависящего от каких-либо всеобщих законов природы. Разумеется, речь идет о кантовской интерпретации человеческой свободы, согласно которой человек постепенно выходит из-под власти причинности всеобщих законов природы и следует законам морали, зависящим только от его собственного разума. Принимая во внимание данную

¹ См. по данной теме: [Кант, 1964, с. 691–692], а также [Кант, 1966в, с. 55–62]. Точно так же, когда дело касается биологической науки, именно принцип механической причинности, «без которого вообще не может быть естествознания» [Кант, 1966а, с. 451], всегда должен быть положен в основу научных исследований. В то же время нельзя отрицать ключевую роль телеологического объяснения как возможного способа тематизации рефлексивного суждения в биологии, выходящего за рамки механических принципов. Более того, не следует пренебрегать важностью телеологического суждения как принципа архитектурного единства, необходимого для исследования, направленного на формулирование систематической завершенности всей науки.

интерпретацию, стоит ли удивляться тому, что в сфере человеческой деятельности и истории, где свобода играет решающую роль, не поддаваясь при этом научному объяснению, Кант почти полностью игнорирует область эмпирической истории? Когда Кант отдает предпочтение философии истории, а не эмпирической истории, или когда он ставит вопрос о движении истории на гораздо более высоком спекулятивном уровне, где вопрос о свободе может быть затронут без всякой претензии на научную строгость, его позиция вполне согласуется с теоретическими положениями его концепции.

Столетие, следующее после смерти Иммануила Канта, свидетельствует об изменении горизонта европейской философской мысли и формировании истории, возведенной в ранг науки, как подчеркивает Виндельбанд в своем выступлении, на которое мы уже ссылались выше. И если Виндельбанд стремится отказаться от философских оснований этой новой науки, то он делает это не для того, чтобы лучше понять конкретную работу историка, а для того, чтобы объяснить эпистемологический поворот, который, открывая новую перспективу видения истории человечества, требует создания истории как науки о человеке.

Сам Виндельбанд дал объяснение этому эпистемологически значимому поворотному моменту в своей речи 1894 г., озаглавленной «История и естествознание» (*“Geschichte und Naturwissenschaft”*), произнесенной по случаю его вступления в должность ректора Страсбургского университета. Согласно философу, эпистемологический поворот XIX в. вынуждает поставить под сомнение саму идею научности в том виде, в каком она сложилась в философской традиции Запада. В этом контексте оспаривание узкой трактовки научного метода, предложенной Кантом, – узкой, поскольку, как мы видели, научность отождествляется со способностью формулировать всеобщие законы, осуществляется посредством критики традиционной предпосылки, заложником которой, как считает Виндельбанд, является Кант.

В своей речи Виндельбанд возводит традиционную для западной философии предпосылку, согласно которой научность отождествляется со всеобщим законом, к самым первым теориям наук о природе. Именно благодаря этому теоретическому принципу в новое научное направление будет интегрирован традиционный лейтмотив, а именно: традиционное отождествление реальности сущего (*Wirklichkeit des Seienden*) с неизменным, с тем, что сохраняется, несмотря на изменения. Данная предпосылка как раз и определяет особую привилегированную роль всеобщего закона, который в силу своей универсальности ускользает от изменений во времени, в отличие от конкретных фактов, постоянно находящихся в процессе преобразования. Однако данная предпосылка теории естествознания, полностью принимавшаяся самим Кантом, игнорирует возможность создания науки о конкретных событиях и единичных изменяющихся структурах, характеризующих индивидуальность людей и человеческих сообществ. Осознание уникальности опыта, составляющего историю человечества и человеческих сообществ, отнюдь не является чем-то несущественным, этот опыт имеет решающее значение, поскольку, согласно идее Виндельбанда, человек становится личностью благодаря знанию о прошлом. Таким образом, Виндельбанд предлагает заменить аристотелевское определение человека как животного, наделенного разумом и речью, совершенно иным определением: «...человек есть животное, имеющее историю» (*“Das Tier, welches Geschichte hat”*) [Виндельбанд, 2007, с. 346]. В подобной перспективе идея будущего конституируется не столько посредством абстрактного мышления, сколько благодаря знанию целостности отдельных культур прошлого [Там же, с. 345–349].

Основываясь именно на этой идее включенности человека в историю, Виндельбанд стремится выйти за пределы учения Канта и формулирует свой собственный метод исторического познания. Если кёнигсбергский мыслитель придавал статус

научности лишь понятиям, применимым к сфере естественных наук, ведущих к открытию всеобщих законов – «номотетических» понятий, – то Виндельбанд предлагает наряду с этими всеобщими понятиями теоретическое построение понятий иного типа, которые он называет «идеографическими», т.е. содействующими описанию исторической индивидуальности культур и сообществ. В отличие от естественных наук, в которых понятия формируются исходя из всеобщих законов, в исторических науках понятия нацелены на уникальность отдельного человека с присутствующими ему индивидуальными представлениями о ценностях, объективированных в культурах прошлого. С точки зрения Вильгельма Виндельбанда и его последователя Генриха Риккерта, если понятия формируются на основании представлений о ценностях, то тогда становится возможным создание подлинно научной методологии, посредством которой исследователь отказывается от вынесения предвзятых суждений в поддержку или против ценностей, на которых зиждились верования прошлых эпох, и изучает их объективное значение в данном культурном контексте. Научность исторической концепции заключается в возможности для любого исследователя проверить ее объективность, т.е. констатировать ее «всеобщую значимость» (*Allgemeingültigkeit*). Таким образом, идеал историографии, например истории папства, как ее представил Леопольд фон Ранке, должен заключаться не в восхвалении пап или их осуждении, а в осуществлении универсально значимого анализа истории папства, независимо от какой-либо полемики между сектами и группировками.

Данная идея исторической объективности побуждает нас вновь обратиться к вопросу о расширенной трактовке теории научности Канта в неокантианстве: согласуется ли подобное расширение с концепцией самого кёнигсбергского мыслителя или же, наоборот, совместимость позиции Канта и неокантианской теории истории даже в плане самой идеи существования науки о человеке и культуре остается достаточно проблематичной?

Как мы уже видели, для Канта статусом научности обладают дисциплины, объект которых возможно определить, основываясь на законах. При этом, поскольку «не известно, какую концепцию можно сформулировать» исходя из поступков и действий людей «на огромной сцене мира», научный характер эмпирической истории представлялся ему весьма сомнительным. Рассуждение относительно истории было перемещено на более спекулятивный уровень рефлексивного суждения, где предполагалась возможность обсуждения вопроса о свободе в рамках философии истории за пределами какой-либо из существующих наук.

Итак, поскольку неокантианская философия задается целью построить эмпирическую науку об истории, Виндельбанд смещает фокус своего анализа с рефлексивного суждения на суждение, определяющее понятия. Если, как полагает Виндельбанд, сущность человека составляет его история, а изучение истории, таким образом, дает нам преимущественно средства для познания человека, то анализ предназначения человека в кантовском смысле не может ограничиваться лишь спекулятивными идеями, но должен опираться на концептуальную науку. Тем не менее, осуществляя этот пересмотр философии Канта, Виндельбанд выявляет проблему, которая полностью выходит за пределы концепции кёнигсбергского мыслителя, а именно, проблему способа определения научного понятия, присущего сфере наук о человеке. Действительно, каким образом при анализе данного способа определения возможно избежать обобщения, основанного на законах механики, исключаяющих понятие свободы человека, не обращая при этом к принципу объяснения посредством сверхчувственного? Эта проблема будет находиться в центре внимания философов-неокантианцев, стимулируя рассуждения не только Вильгельма Виндельбанда, но и Генриха Риккерта, Георга Зиммеля и Макса Вебера.

Каким образом решает эту проблему Виндельбанд? Давайте ответим на этот вопрос, изучив более обстоятельно его теорию индивидуальности. Если, по сути, Виндельбанд не предусматривает анализ будущего человечества на основе *общих* законов, то тем не менее, создавая новую историческую науку, он все же предполагает оперировать *индивидуальными* формами причинно-следственных связей. Речь идет об определении индивидуальной причинности в ситуации, когда причина всякий раз производит нечто новое, чего не было ранее. Именно так, не прибегая к построению всеобщих законов, Виндельбанд вводит некий способ каузального объяснения исторических понятий, как того и требует предлагаемый им научный подход. При изучении освоения Виндельбандом наследия Канта особенно важно то, что теория «идеографического» каузального объяснения в процессе противостояния с проблемой свободы предполагает переосмысление самой идеи научности в исследовании человеческой индивидуальности.

Мы сможем прояснить весь масштаб этой новой интерпретации теории Канта, если обратимся к истокам неокантианской теории исторической индивидуальности и проанализируем родство, которое сам Виндельбанд выявляет между историком и художником или между идеографической трактовкой истории и произведением искусства. Подобное сравнение мы встречаем, в частности, в работе «История и естествознание», в которой Виндельбанд утверждает следующее: «Историк... имеет своей задачей идеально воссоздать какой-либо продукт прошлого со всеми его индивидуальными чертами. Задача, которую он должен выполнить по отношению к реальным фактам, сходна с задачей художника по отношению к продуктам его фантазии. На этом основано родство исторического творчества с эстетическим и исторических дисциплин с *belles lettres*» [Виндельбанд, 2007, с. 344].

Эта идея близости историографии и искусства, которую Виндельбанд обосновывает в своей концепции, в дальнейшем вызовет резкую критику. Его последователь Генрих Риккерт увидит в этом утверждении недостаточное соответствие требованию строгой научности [см. Rickert, 1921, S. 278; Rickert, 1926, S. 74–78]. По совершенно иным причинам граф Йорк фон Вартенбург в письме, адресованном Вильгельму Дильтею, вынесет критическое суждение, согласно которому в теории Виндельбанда историография низводится до уровня «эстетического удовольствия» (*aesthetischer Genuss*). Это заявление Хайдеггер с одобрением процитирует в своем труде «Бытие и Время» [см. Yorck von Wartenburg, 1923, S. 193; Heidegger, 1972, S. 399].

Однако этот упрек Йорка демонстрирует неадекватное понимание влияния учения Канта на теорию Виндельбанда и не позволяет нам прояснить смысл обоснованной философом близости между искусством и исторической наукой. Для того чтобы понять замысел Виндельбанда, следует интерпретировать его концепцию с позиции философии Канта, в частности, в свете работы «Критика способности суждения», самого значительного, с точки зрения самого Виндельбанда, произведения кёнигсбергского мыслителя. Напомним, что в книге «Критика способности суждения» Кант предлагает интерпретировать эстетическое суждение, опираясь на единичное созерцание, которое, подобно идеографическим фигурам Виндельбанда, не может быть связано ни с каким всеобщим законом. Как и идеографическая интерпретация у Виндельбанда, суждение о прекрасном у Канта обладает всеобщей значимостью. Однако, согласно Канту, суждение о прекрасном в отличие от идеографического понятия проистекает не из объекта, а исключительно из свободной игры чистых способностей субъекта и не может быть концептуализировано, следовательно, оно не может являться объектом науки. Таким образом, эта неопределенность красоты ускользает от определения посредством всеобщих понятий механики, но при этом поддается подведению под универсальные правила, которые

устанавливаются в результате свободной игры способностей; именно эта свобода способностей, задающих себе закон, согласно известной интерпретации «Критики способности суждения», указывает на возможность сверхчувственного основания [Кант, 1966а, с. 196–199].

Следовательно, близость к единичному созерцанию свидетельствует о родстве идеографического образа и искусства; при этом, согласно Виндельбанду, концептуальный статус сближает идеографический образ с наукой. Тем не менее идеографические понятия не могут быть отнесены к сфере естественных наук, поскольку они по большей мере не поддаются определению и одновременно они слишком часто подпадают под определения, что не позволяет отнести их к сфере искусства; они располагаются в промежутке между двумя областями. Именно это промежуточное пространство стремится исследовать Виндельбанд. Таким образом, вопреки позитивистским теориям истории, пытающимся объяснить все исторические явления с помощью общих законов, индивидуальная причинность, которую предлагает Виндельбанд, давая концептуальное определение историческим явлениям, оставляет поле неопределенности – то, что Виндельбанд называет «остатком непостижимости» (*Rest der Unbegreiflichkeit*). Как утверждает сам Виндельбанд в своей ректорской речи «История и естествознание»: «Если, таким образом, не существует такого, непосредственно вытекающего из общих законов конца, до которого может быть прослежена каузальная цепь условий, то никакое подведение под эти общие законы не поможет нам вскрыть последние основания единичного, данного во времени явления. Поэтому во всем историческом и индивидуальном для нас остается доля необъяснимого – нечто невыразимое, неопределимое. Так и последняя и глубочайшая сущность личности противится анализу посредством общих категорий, и этот неуловимый элемент проявляется в нашем сознании как чувство беспричинности нашего существа, индивидуальной свободы» [Виндельбанд, 2007, с. 351]. Таким образом он пытается найти строгое концептуальное объяснение, требуемое наукой, не исключая при этом возможности телеологической ориентации истории, основанной на свободе человека и неподвластной научным понятиям.

Однако именно здесь проявляется влияние наследия Канта в плане проблемы, которую пытается решить Виндельбанд: соединить индивидуальность представления и строгую причинную обусловленность понятия. В противоположность рефлексивному суждению Канта, апеллирующего к сфере сверхчувственного с целью воссоздания телеологического единства человеческой истории, Виндельбанд, как мы уже говорили, отдает предпочтение истории, укорененной в определении понятий индивидуального характера, основывающихся на ценностях, действующих в исторических культурах. Этот тип мышления, связанный с «эпистемологическим поворотом» в направлении идеи о радикальной историчности человеческого рассудка, акцентирующий внимание на эмпирической трансформации ценностей, представляется недостаточно прозрачным, поскольку основывается исключительно на ценностях с целью поддержать идею трансисторического *единства* в стихии процессов метаморфоза в сфере культуры, необходимую для телеологической интерпретации истории. В этом смысле в конце XIX в. критическая теория истории уже не может придавать то же значение спекулятивной процедуре рефлексивного суждения, что и Кант. В итоге Виндельбанд, как и впоследствии Генрих Риккерт, пытается защитить наследие Канта, постулируя существование абсолютных трансцендентных ценностей, непознаваемых самих по себе, которые были бы способны обеспечить связь критериев истинности на протяжении всей истории². Однако эта идея абсолютной

² Эта идея конечного основания культурных ценностей, составляющих предмет наук о культуре, находит особенно ясное выражение в двух статьях, опубликованных Виндельбандом и Риккертом

основы культурных ценностей остается чисто гипотетической и, как свидетельствует отказ от данной позиции таких авторов, как Макс Вебер, оказывается трудносовместимой с критической целью неокантианской философии истории.

Это размышление о радикальной историчности контекстов культуры и присутствующих им теоретических норм приведет в будущем последователей Виндельбанда к постановке вопроса, выходящего далеко за пределы теории Канта, о самом значении исторической «науки», имеющей в качестве объекта специфику человеческого мира. Идея о радикальной прерывности не только опровергает любую возможность телеологии или единства и последовательности истории как «процесса», но и ставит под вопрос трансисторичность и общезначимость теоретических норм. В итоге в ситуации, когда нормы, как и любые ценности культуры вообще, предстают в качестве множества разрозненных точек зрения, лишенных какой-либо преимущества, проблема релятивизма вновь становится актуальной. Если исходить из подобного видения истории, представляется сомнительным, чтобы посредством исторического познания культур можно было достичь подлинного понимания человека.

И далее мы задаемся вопросом о том, не возвращают ли нас те трудности, с которыми столкнулся Виндельбанд, работая над теорией исторической науки, к изначальному сомнению, – по причинам, возможно, еще более фундаментальным по сравнению с идеями Иммануила Канта, – относительно смысла истории как объективной науки. Однако, прежде чем делать поспешные выводы, необходимо рассмотреть в данном контексте, не требует ли область, охватываемая понятием «историческая объективность», более фундаментального пересмотра самого значения этого понятия. Абстрагируясь от каких-либо возражений, которые можно было бы выдвинуть против узкого определения исторической науки Виндельбандом, единственной целью которого является идеографическая репрезентация, уместно пересмотреть фундаментальную предпосылку, сформулированную неокантианской теорией, а именно убежденность в том, что отказ от заимствованной у номологических наук методологии не равносителен отказу от каких бы то ни было притязаний на историческую научность как таковую. При столкновении с мыслью о радикальной прерывности, доходящей до утверждения непоследовательности теоретических норм суждения о прошлом, отказ от притязаний на научность равнозначен доведенному до крайности, независимо от концепции самого Канта, вопросу об исторической объективности. Для такой интерпретации любое методологическое соображение, касающееся способа каузального объяснения в истории, теряет свою актуальность, потому что тогда историческое повествование принимает форму литературного жанра, а историческая репрезентация относится к сфере искусства.

Однако должно ли это с необходимостью быть так? Нельзя ли провести более фундаментальное различие между искусством и исторической репрезентацией, которое может претендовать на объективность?

На этот вопрос я предлагаю следующий ответ: если понятие исторической объективности и имеет смысл, то, во-первых, в силу того, что предполагает само понятие объективности у Канта, а именно наличие связанности в конфигурации объектов и порядка в последовательности событий, от которых зависит интеллигибельность опыта как такового [Кант, 1964, с. 681–691]. Однако, столкнувшись с радикальной историчностью человеческого понимания, историк, который стремится сделать интеллигибельными контексты прошлого за пределами своего временного горизонта, если он не может довольствоваться узкими теоретическими рамками Канта,

по моему мнению, также вынужден переформулировать идею научности, которой столь привержен Виндельбанд. Для трансцендентального идеализма неокантианцев Баденской школы человеческие ценности обладают специфической интеллигибельностью; образуя специфический для идеографических исторических понятий модус причинности, на фоне, как мы видели, «остатка непостижимости», их трансформация не ставит под сомнение предположение о непрерывной связи прошлого и настоящего. В конечном счете эта теоретическая ориентация не учитывает возможности того, что на более глубоком уровне радикальная историчность человеческого понимания ведет к резкому пересмотру самих условий интеллигибельности опыта. Такой пересмотр, как я его понимаю, вызывает изменения в структурах символического значения, которые доходят до уровня семантических нюансов, возможности трактовки образов и жестов³. В последующие эпохи подобные радикальные изменения приводят к появлению обширных областей непрозрачности, которые не может пронзить анахроничный взгляд с позиции иного временного горизонта. Столкнувшись с подобным прецедентом, может ли историк надеяться достичь чего-либо на основе тщательной реконструкции фактического контекста прошлого? Может ли он пытаться апеллировать к идеалу «объективности» в области исторического познания?

Согласно аргументу, которым я собираюсь резюмировать это краткое размышление, понятие объективности исторического знания обретет значение, более подходящее для изучения радикальной историчности человеческого понимания, если мы завершим замечательную формулировку этого научного идеала в концепции Виндельбанда исходя из центрального аспекта теории истории, разработанной его современником Вильгельмом Дильтеем. В связи с этим приведу рассуждение, изложенное Дильтеем в известной статье «Вклад в решение вопроса о происхождении и законности нашей веры в реальность внешнего мира» (1890 г.). В этой работе он рассматривает внешний мир не только в качестве окружающего нас настоящего, но и в качестве прошлого, которое больше не является объектом непосредственного опыта. Согласно Дильтею, реальность исторического прошлого относится прежде всего к внешнему для нас миру, с которым мы все же соприкасаемся, даже если он и выходит за временные рамки нашего настоящего. Не зависящее от нас, но все еще живущее в нас прошлое может, с одной стороны, служить источником обоснования нашей идентичности. В этом смысле прошлое, по Дильтею, играет роль «опоры» (Förderung). С другой стороны, философ также предполагает, что реальность прошлого может быть подтверждена в тех случаях, когда оно является «сдерживающим фактором» (Hemmung) для настоящего. Однако в своей статье Дильтей не продолжает этот краткий анализ. С моей точки зрения, его возможно интерпретировать как аллюзию на незабываемое чувство беспокойства или растерянности, вызванное осознанием воссоздания аспекта прошлого [см. Dilthey, 1957, S. 114].

И даже если в этой работе, посвященной теме веры в реальность внешнего мира, Дильтей уделяет проблеме интерпретации исторического прошлого лишь несколько параграфов, тем не менее он задает импульс для размышлений о его статусе. Таким образом, помимо схематичного описания, интерпретация Дильтея открывает перспективу прошлого, сохраняющегося благодаря структурам символического значения, которые часто неосознанно возрождаются или, наоборот, спонтанно устраняются. Более радикально, чем это допускают неокантианская теория

³ Речь идет о понятии «Изменение свидетельств» (Evidenzwandel), которое часто встречается в формулировках программы “Begriffsgeschichte” («истории понятий»); см.: [Koselleck, 1972, S. xix]. Я исследую связь данной проблематики и преобразований в структурах символических значений в своей книге [Barash, 2016].

истории и традиционная историография, «объективная» автономия прошлого подтверждается благодаря способности подвергать сомнению в иной форме, чем искусство, идентичность настоящего, слишком увлеченного собственной реальностью и даже утратившего из-за этого способность видеть прошлое. Хотя поля непрозрачности скрывают прошлое в его радикальной инаковости, именно осознание этой реальности исторического прошлого дает нам возможность выявить белые пятна слишком «субъективного» суждения – заложника ограниченной перспективы реальности – и отчасти придает оттенок «объективности» историческому знанию. За пределами наследия Канта задача понимания идеи «объективности» исторической науки, сформулированная Виндельбандом, все еще остается актуальной для нас.

Перевод с французского языка О.И. Мачульской

Список литературы

- Виндельбанд, 2007 – *Виндельбанд В.* История и естествознание // *Виндельбанд В.* Прелюдии. Философские статьи и речи. Москва: Гиперборея; Кучково поле, 2007. С. 334–352.
- Кант, 1964 – *Кант И.* Критика чистого разума // *Кант И.* Соч.: в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 798 с.
- Кант, 1966а – *Кант И.* Критика способности суждения // *Кант И.* Соч.: в 6 т. Т. 5. М.: Мысль, 1966. 564 с.
- Кант, 1966б – *Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // *Кант И.* Соч.: в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 7–23.
- Кант, 1966в – *Кант И.* Метафизические начала естествознания // *Кант И.* Соч.: в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 53–176.
- Barash, 2016 – *Barash J.A.* Collective Memory and the Historical Past. Chicago; London: University of Chicago Press, 2016. 268 p.
- Dilthey, 1957 – *Dilthey W.* Beiträge zur Lösung der Frage vom Ursprung unseres Glaubens an die Realität der Aussenwelt und seinem Recht // *Dilthey W.* Gesammelte Schriften. 6. Aufl. Bd. 5. Stuttgart: Teubner, 1957. 442 p.
- Heidegger, 1972 – *Heidegger M.* Sein und Zeit. 12. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 1972. 437 S.
- Koselleck, 1972 – *Koselleck R.* Einleitung // *Geschichtliche Grundbegriffe.* Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Vol. 1. Stuttgart: Klett, 1972. S. XIII–XXIII.
- Rickert, 1921 – *Rickert H.* Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. 3. und 4. Aufl. Tübingen: Mohr, 1921. 563 S.
- Rickert, 1926 – *Rickert H.* Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft. 6. und 7. Aufl. Tübingen: Mohr, 1926. 144 S.
- Rickert, 1907 – *Rickert H.* Geschichtsphilosophie // *Die Philosophie im Beginn des zwanzigsten Jahrhunderts.* Festschrift für Kuno Fischer / Hrsg. von W. Windelband. Heidelberg: Winter, 1907. S. 529–553.
- Windelband, 1924 – *Windelband W.* Nach Hundert Jahren // *Windelband W.* Präludien. Bd. 1. 9. Aufl. Tübingen: Mohr, 1924. S. 147–167.
- Windelband, 1907 – *Windelband W.* Die Geschichte der Philosophie // *Die Philosophie im Beginn des zwanzigsten Jahrhunderts.* Festschrift für Kuno Fischer / Hrsg. von W. Windelband. Heidelberg: Winter, 1907. S. 321–422.
- Yorck von Wartenburg, 1923 – *Yorck von Wartenburg P.* Brief an W. Dilthey, 21.10.1895 // *Briefwechsel zwischen Wilhelm Dilthey und dem Grafen Paul Yorck von Wartenburg, 1877–1897.* Halle: Niemeyer, 1923. S. 190–194.

Preface to publication

Olga I. Machulskaya

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: hermeneutique.academie@yandex.ru

Appendix: The History between Science and Art: Wilhelm Windelband and the Dilemma of the Neo-Kantian Theory of History

Jeffrey Andrew Barash

Professor-Emeritus. Jules Verne University of Picardy. Chemin du Thil, 80025, Amiens, Cedex 1 France; e-mail: jabarash@gmail.com

Translation from French into Russian by Olga I. Machulskaya

This article examines the concept of substantiating the theory of history as a science, undertaken in the second half of the 19th century by representative of the Southwestern school of neo-Kantianism, W. Windelband, who creatively interprets Kant's legacy. The founder of critical philosophy, Kant, gave scientific status only to various areas of natural science. From the point of view of the Koenigsberg thinker, the field of studying social events, culture and human life cannot be considered a science in the strict sense of the word, since it is limited to the description of social phenomena, and not the construction of laws that explain these processes. The law must correspond to the principle of universality, that is, it must have the ability to organize experience through a universal pure form, and not stem from experience. Windelband proposes to revise Kant's teachings and develops his own concept of history. He introduces into the theory of knowledge, in addition to nomothetic concepts leading to the discovery of universal laws, ideographic concepts through which the history of cultures and worldviews of individual people are described with their personal ideas about values that are objectified in history. Thus, Windelband formulates a special scientific method for explaining causality in the interpretation of historical events, without resorting to the construction of universal laws. Explaining history using ideographic concepts allows us to rethink the very idea of science in relation to the sphere of freedom in which each person is a unique individual who creates values.

Keywords: I. Kant, W. Windelband, W. Dilthey, neo-Kantianism, theory of history, ideographic and nomothetic concepts

References

Barash J.A. *Collective Memory and the Historical Past*. Chicago; London: University of Chicago Press, 2016. 268 p.

Dilthey W. Beiträge zur Lösung der Frage vom Ursprung unseres Glaubens an die Realität der Aussenwelt und seinem Recht. In: Dilthey W. *Gesammelte Schriften*, 6. Aufl. Bd. 5. Stuttgart: Teubner, 1957. 442 S.

Heidegger M. *Sein und Zeit*, 12. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 1972. 437 S.

Kant I. Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]. In: Kant I. *Sochinenia* [Works] in 6 vols., vol. 3. Moscow: Mysl' Publ., 1964. 798 p. (In Russian)

Kant I. Kritika sposobnosti suzhdenija [Critique of Judgment]. In: Kant I. *Sochinenia* [Works] in 6 vols., vol. 5. Moscow: Mysl' Publ., 1966. 564 p. (In Russian)

Kant I. Ideja vseobshnej istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane [The Idea of a Universal History on a Cosmopolitical Plan]. In: Kant I. *Sochinenia* [Works] in 6 vols., vol. 6. Moscow: Mysl' Publ., 1966, pp. 7–23. (In Russian)

- Kant I. *Metafizicheskie nachala estestvoznaniia* [Metaphysical Foundations of Natural Science]. In: Kant I. *Sochinenia* [Works] in 6 vols., vol. 6. Moscow: Mysl' Publ., 1966, pp. 53–176. (In Russian)
- Koselleck R. Einleitung, *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*, Bd. 1. Stuttgart: Klett, 1972. SS. XIII–XXIII.
- Rickert H. *Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung*, 3. und 4. Aufl. Tübingen: Mohr, 1921. 563 S.
- Rickert H. *Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft*, 6. und 7. Aufl. Tübingen: Mohr, 1926. 144 S.
- Rickert H. *Geschichtsphilosophie, Die Philosophie im Beginn des zwanzigsten Jahrhunderts. Festschrift für Kuno Fischer*, hrsg. von W. Windelband. Heidelberg: Winter, 1907, SS. 529–553.
- Windelband W. Nach Hundert Jahren. In: Windelband W. *Präludien*, Bd. 1, 9. Aufl. Tübingen: Mohr, 1924, SS. 147–167.
- Windelband W. *Geschichte und Naturwissenschaft*. In: Windelband W. *Präludien*, Bd. 2, 9. Aufl. Tübingen: Mohr, 1924. SS.
- Windelband W. *Die Geschichte der Philosophie, Die Philosophie im Beginn des zwanzigsten Jahrhunderts. Festschrift für Kuno Fischer*, hrsg. von W. Windelband. Heidelberg: Winter, 1907, S. 321–422.
- Windelband W. *Istoriya i estestvoznaniye* [History and Natural Sciences]. In: Windelband W. *Preljudii. Filosofskie stat'i i rechi* [Foreplay. Philosophical Articles and Speeches]. Moscow: Giperboreja Publ.; Kuchkovo pole Publ., 2007, pp. 334–352. (In Russian)
- Yorck von Wartenburg P. Brief an W. Dilthey, 21.10.1895, *Briefwechsel zwischen Wilhelm Dilthey und dem Grafen Paul Yorck von Wartenburg, 1877–1897*. Halle: Niemeyer, 1923, SS. 190–194.